

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1985.3.03>

Елизавета РИХТЕР

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У СЕТУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 19 — НАЧАЛЕ 20 вв.

Сету — этническая группа эстонского народа, длительное время населявшая западные волости бывшей Псковской губернии. Единые социально-экономические условия и православное вероисповедание сближали сету с русскими крестьянами, но вместе с тем их материально-бытовая и духовная культура сохранила немало особенностей, некогда свойственных прибалтийско-финскому населению. Поэтому вопрос происхождения сету привлекал и привлекает внимание ученых многих дисциплин. Накопилась обширная литература по различным аспектам «проблемы сету» (по антропологии, археологии, этнографии, лингвистике, фольклору). Однако далеко не все поставленные в научных исследованиях вопросы нашли свое решение. В частности, до сих пор остались неизученными людность крестьянского двора, величина и структура семей, брачность и рождаемость сету и некоторые другие основные демографические показатели.

Историко-демографическая работа в этом направлении успешно ведется учеными Эстонской ССР вот уже более двух десятилетий.¹ И поскольку сету — часть эстонской нации, небезынтересно воссоздать демографические процессы, свойственные этой этнической группе в период перехода от феодализма к капитализму, и увязать этнодемографические показатели с развитием социально-экономических отношений в сетуской деревне с середины 19 по начало 20 вв.

Историко-демографический материал, использованный в статье, получен из Государственного архива Псковской области, главным образом из его филиала в Великии: Луках, где хранятся метрические книги, исповедальные росписи населения из сетуских приходов,² из Республиканского управления актов гражданского состояния ЭССР (метрические книги по приходам Вярса и Паниковичи). Ценный исходный материал для определения типов семей сетуских деревень в первые пореформенные десятилетия содержат данные последней, X ревизии (1858 г.): в дворовые списки заносились не только все члены семьи, но и указывалась степень их родства.³ Сопоставляя списки населения крестьянских дворов по данным X ревизии и духовных росписей последующих десятилетий, можно выявить не только демографические показатели (воспроизводство населения, брачность), но и изменения в типе семьи и

¹ Подробнее см.: Пуллат Р. Н. Историческая демография в СССР (значение, место, итоги и перспективы развития). — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, 11, 14, 15, 16; см. также другие статьи сборника.

² Филиал Государственного архива Псковской области (= фил. ГАПО), ф. 39 (Псковская духовная консистория), оп. 1 и далее. Исповедальные росписи составлялись священниками по всем деревням прихода ежегодно. В ведомости заносились: число дворов в деревне и обитатели каждого двора (вплоть до новорожденных с указанием имени, отчества, возраста и родства).

³ Фил. ГАПО, ф. 58, оп. 2, ед. хр. 1886.

структуре крестьянского двора на протяжении второй половины 19 — начала 20 вв. Некоторые детальные сведения о взаимоотношениях в неразделенных семьях содержатся в фонде Псковского губернского по крестьянским делам присутствия.⁴ Экономическое и правовое положение псковских эстонцев, или сету, в период проведения реформы 1861 г. и в последующие десятилетия наглядно вырисовывается из уставных грамот⁵ и актов об «укреплении» земли за крестьянами после аграрной реформы Столыпина.⁶ Статистические данные публиковались в памятных книжках Псковской губернии (1860—1913/14 гг.), кроме того, в начале 20 в. в печати появлялись статьи и брошюры, в которых современники (В. Бук, Э. Дольф и др.) раскрывали особенности экономического положения сетуских крестьян, отмечали сдвиги в демографических явлениях в их среде в первые десятилетия 20 в.

Перечисленные источники почти не содержат материалов по быту крестьянских семей, взаимоотношениям между членами семьи. Из-за незнания русского языка сету редко обращались с жалобами и прошениями в волостные суды, хотя на деревенских сходах семейные дела и вопросы о разделе, возможно, и обсуждались. До нас дошли лишь отрывочные сведения, сохранившиеся в памяти жителей сетуских деревень еще в 1950-е годы.

Западная часть Псковского уезда в середине 19 в. делилась на 14 церковных приходов. Сету были сосредоточены главным образом в шести из них: Верхоустинском, Паниковском, Зачеренском, Тайловском, Залесском и Печорском, меньше сетуских деревень находилось в Изборском.⁷ До крестьянской реформы большую часть населения здесь составляли государственные крестьяне («вольные», как их называли). Помещичьих крестьян («барских») было в пять раз меньше, и проживали они главным образом в деревнях Паниковского и Зачеренского приходов.

Реформа 1861 г. отменила крепостную зависимость, впредь крестьяне считались временнообязанными: платили за землю выкуп и отбывали разного рода повинности. Так, барщинные в прошлом крестьяне д. Клавшино (Laossina)⁸ отработывали помещику А. фон Роту летом 24 мужских и 18 женских дней с тягла (супружеская пара), зимой — 16 мужских и 12 женских дней. За усадебную землю они платили в год по 1 руб. 50 коп.⁹ Крестьяне, перешедшие с барщины на оброк, платили по 8 руб. в год за каждый душевой надел и по 1 руб. 50 коп. за усадебную землю. По «Положению 1861 г.», высший надел на каждую ревизскую душу в Псковском уезде составлял 4 дес. 1200 кв. саж., остальная земля, которой крестьяне пользовались до реформы, отрезалась в пользу помещика. В той же д. Клавшино крестьянам, которые до реформы имели

⁴ Государственный архив Псковской области, ф. 80, оп. 2.

⁵ В уставных грамотах, заключаемых с 1862 г. между помещиком и крестьянами каждой конкретной деревни, указывалось фактическое количество земли, находившейся в пользовании до реформы, а также определялись поземельные и повинностные отношения крестьян и помещиков.

⁶ В делах о закреплении земли в частную собственность за крестьянином подробно перечислялись отведенные ему полосы земли на каждом из трех полей, состав семьи с указанием родства по отношению к родоначальнику и возраст каждого члена семьи. — Фил. ГАПО, ф. 108, оп. 1, ед. хр. 45.

⁷ Число волостей и названия их на протяжении 19 в. неоднократно менялись, поэтому здесь приняты в качестве административных единиц приходы. Волости с сетуским населением отчетливо определились в конце 19 в. Число деревень в них и число сету известно по списку Я. Хурта. (См.: *Hurt, J. Setukeste laulud*. Helsingfors, 1904, XV—XXV.) Церковная статистика не учитывала этнической принадлежности прихожан, поэтому определить число сету и русских в этих приходах в середине 19 в. затруднительно.

⁸ Деревни, населенные сету, имели два названия: одно официальное, которое значилось в ревизских сказках, церковной статистике и документах 18 — начала 20 вв., другое — народное. См. Приложение.

⁹ Фил. ГАПО, ф. 80, оп. 3, ед. хр. 1881.

105 дес. земли, оставили лишь 13 дес. 1200 кв. саж.¹⁰ Спустя пять лет после реформы был обнародован указ «О передаче государственных крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений». Выкупные деньги, подушные и оброчные подати крестьяне стали платить государству.

Величина деревенского надела после реформы почти не менялась¹¹, население же постепенно увеличивалось. В результате переделов, проводившихся в связи с ростом числа жителей в деревнях через 9, 12 и более лет, к 1903 г. на каждого крестьянина приходилось уже не по 4 дес. с небольшим, а в среднем по одной с четвертью.¹²

В условиях острого малоземелья и общинного землепользования с его чересполосицей и трехпольем крестьянское хозяйство развивалось слабо и в первые пореформенные годы. Своего хлеба семьям хватало лишь на 3—4 месяца, поэтому для крестьянина стало жизненной необходимостью приспособить хозяйство к нуждам рынка. Увеличивались посевные площади под лен, для чего распахивались покосы и пастбища, вырубались леса. Свойственная Псковскому уезду специализация на торговом льноводстве позволяет отнести его к торгово-земледельческому району. У многих крестьян одним из главных источников существования стала работа по найму как поблизости от дома, так и за пределами уезда, в соседней Лифляндской губернии.

Развитие денежных отношений наметилось здесь еще в первой половине 19 в., к концу века уже совершенно четко определилось расслоение крестьянства. Немногочисленную прослойку составляли скупщики — булыни и пустошники¹³. В. Бук отмечал: «Уже задолго до закона о расхуторовании земли собирались в одних руках. Один заложил землю за долги в банк, другой сдал в аренду, третий продал право пользования землей соседу, а сам выехал и т. д.»¹⁴. В конце 19 — начале 20 вв. те хозяева, которые не располагали возможностями для ведения хозяйства на месте, устремились в Сибирь, Вологодскую и другие русские губернии.¹⁵

С 1907 г. началось расхуторование крестьян: каждый дворохозяин, выйдя из общины, но с ее согласия, мог поселиться на отведенном ему землемером участке общинной земли и закрепить его в личную собственность. Однако большинство крестьян продолжало держаться за общинное землевладение. Так, в 1909 г. в сетуских деревнях Паниковского, Печорского и Слободского приходов насчитывалось, соответственно, 175, 97 и 11 выделившихся дворов.¹⁶

Таковы общие контуры социально-экономического фона, на котором протекали демографические и другие связанные с ними процессы и, в первую очередь, воспроизводство псковских эстонцев в пореформенный период.

¹⁰ Фил. ГАПО, ф. 80, оп. 3, ед. хр. 1911.

¹¹ Выкупные платежи были высоки, крестьяне пребывали в состоянии хронической недоимочности на протяжении всей второй половины 19 в. Одной из возможностей увеличения площади деревенских угодий была покупка земли у помещика. Этому благоприятствовало стремительное разорение мелких нерентабельных имений. К 1914 г. в четырех сетуских волостях насчитывалось 14 имений, из них восемь принадлежало немцам (Памятная книжка Псковской губернии на 1913/1914 гг. Псков, 1914).

¹² Ушаков Ф. А. Время основания Пскова, границы псковской страны и степень ее населенности в различные периоды ее существования. — Тр. Псковского археологического общества за 1907—1908 гг., вып. 5. Псков, 1909, 41.

¹³ Булыня — псковское название скупщика скота и льна; пустошник — разбогатевший крестьянин, купивший пустошь у помещика.

¹⁴ Бук, W. Petseri eestlased. Tartu, 1909, 19.

¹⁵ Аграрная проблема являлась основной причиной неоднократной миграции крестьян из этой части Псковского уезда. Из всей Псковской губернии с 1896 по 1917 гг. переселилось в Зауралье и Сибирь около 30 тыс. человек, из них 5500 вернулись обратно (по данным Псковского исторического музея).

¹⁶ Бук, W. Petseri eestlased, 19.

Первым ученым, собравшим данные о численности сету, был Фр. Р. Крейцвальд. По его подсчетам, в 1849 г. в Псковском уезде проживало по меньшей мере 9000 сету.¹⁷ Следующие данные, причем весьма противоречивые, появились лишь 36 лет спустя. В 1885 г. по записям священников тех приходов, где проживали сету, их значилось 20 453¹⁸, по рапорту псковского уездного исправника — 13 948¹⁹, по спискам волостных книг — 12 549 человек²⁰. К 1902 г., согласно данным Я. Хурта, насчитывалось 16 571 сету²¹. Итак, увеличение численности сету во второй половине 19 в., особенно в последнее десятилетие, — факт неоспоримый. Однако темпы прироста по десятилетиям высчитать с помощью коэффициента рождаемости (число рождений на 1000 жителей) на протяжении 19 в. не представляется возможным, хотя метрические книги одного прихода (к примеру Верхоустинского) и содержат сведения о числе родившихся, умерших и вступивших в брак с 1801 по 1913 гг. Предположим, высчитаны данные за три десятилетия (табл. 1).

Таблица 1

Динамика демографических процессов в Верхоустинском приходе

Годы	Рождаемость	Смертность	Соотношение рождаемости и смертности	Среднее число браков в год
1841—1850	783	674	1,1	18,9
1851—1860	772	393	1,8	15,6
1861—1870	853	732	1,1	17,8

Оказывается, что эти данные не коррелятивны, так как общее число прихожан в метрических книгах не фиксировалось. Численность же населения несколько менялась от десятилетия к десятилетию не только за счет естественного прироста, но и за счет притока крестьян из Лифляндии или оттока псковских эстонцев в другие места. К примеру, в 1850-е годы из Печорского края по решению волостного правления за недоимки, вызванные неурожаем, голодом и эпидемиями, было выслано 704 человека в Тобольскую губернию.²² Много жизней уносили эпидемии (холера — 1848 г., дизентерия — 1850 г., оспа — 1850-е годы).

Данные о числе прихожан содержат духовные росписи, хотя сохранились они далеко не по всем приходам. Наиболее полной является роспись по Залесскому приходу²³, где сету составляли примерно $\frac{2}{3}$ всего населения. Судя по материалам этой росписи, в первые годы после реформы темп прироста населения был замедленным, по-видимому, в связи с переходом крестьян (напр., бывших дворовых) в другие сельские общества. Так, в 1863 г. здесь числилось 1956 человек, в 1867 г. — 1912, в 1869 г. — 1900. Однако с 1870-х годов население стало увеличиваться (в среднем на 13,5 чел. в год) и спустя 20 лет после реформы — в 1882—1893 гг. — достигло цифры, превышающей показатели 1870-х годов в 2,6 раза (в среднем на 39,3 чел. в год). В начале 20 в. очевидцы могли отметить: «Число жителей и число дворов после освобождения значи-

¹⁷ Fr. R. Kreutzwaldi kirjavahetus I. Tln., 1976, 484. Фр. Р. Крейцвальд получил данные о числе псковских эстонцев от псковского гражданского губернатора и пополнил их результатами личной переписи на части территории сету. Поэтому, весьма вероятно, в действительности число сету было несколько больше.

¹⁸ Фил. ГАПО, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 733.

¹⁹ Там же, ф. 220, оп. 1, ед. хр. 11.

²⁰ Buck, W. Peitseri eestlased, 11.

²¹ Hurt, J. Setukeste laulud, XXV.

²² Фил. ГАПО, ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1886.

²³ Там же, ф. 39, оп. 14, ед. хр. 31.

тельно возросло»²⁴, «... стремительно растет число сету. Даже при том, что каждый год в Сибирь и Вологодскую губернию переселяются целыми семьями, при том, что каждый год в города Псков, Ригу и т. д. уходят мальчики и парни в услужение, уходят в торговлю и т. д., всего, с учетом ушедших из деревни, можно насчитать сейчас около 20 тыс. сету»²⁵. Судя по залесской росписи, наибольшее число жителей в приходе было в 1905 г. — 2677 человек, а затем с каждым годом оно уменьшалось.²⁶ К 1922 г., т. е. после событий первой мировой и гражданской войн, когда много псковских эстонцев переселилось в другие уезды Эстонии, общее число сету составило 15 033 человека²⁷.

Данные по естественному приросту в приходах с сетуским населением показывают, что социально-экономические условия, единые у сету и русских крестьян, предопределили у тех и других одинаковые сдвиги в демографических показателях: небольшое превышение рождаемости над смертностью, высокую рождаемость, значительную детскую смертность²⁸. Никаких изменений в матримониальном поведении крестьян сету с развитием капитализма и распространением отходничества, например сокращения деторождения, установить не удалось. Брачная жизнь, сопутствующая ей высокая рождаемость продолжали оставаться традиционными.

В воспроизводстве населения решающую роль играет брачность. Для исследователей сету это явление представляет не только чисто демографический, но и этнодемографический интерес. Брачность отражает установившиеся нормы, к примеру возраст молодежи, вступающей в брак, предпочтительность партнера, частоту межэтнических браков, от которых во многом зависит этнический состав населения и т. д.

Возраст вступления в первый брак. На территории, где проживали сету, встречалось два типа брачности: на западе — европейский, с небольшой долей ранних браков²⁹, на востоке — традиционный русский, с большим перевесом ранних браков.

В первые десятилетия 19 в. сетуские крестьяне заводили семьи рано. Так, в Паниковском приходе за 1803—1820 гг. средний возраст мужчин, вступающих в брак, составлял 19,7 лет, девушек — 18,9 лет. Следует учесть, что среднестатистические данные при небольшом количестве браков далеко не всегда отражают истинный возраст супругов. Нередко две—три «засидевшиеся» невесты, либо пожилые солдаты, вернувшиеся домой после длительной военной службы, заметно искажали «среднеста-

²⁴ *Dolf, E.* Setude kõrvalisest teenistusest. — Uudised, 1903, 18. dets.

²⁵ *Buck, W.* Petseri eestlased, 11.

²⁶ В 1906 г. по Печорской, Слободской и Паниковской волостям было выдано 3596 паспортов. В Сибирь и Вологду выехало 120 семей сету. В последующие два года переселение продолжалось. (*Buck, W.* Petseri eestlased, 56.)

²⁷ *Eesti III.* Setumaa. Tartu, 1928, 42.

²⁸ В середине 19 в. показатели смертности по Псковскому уезду были близки к общероссийским: одна смерть на 28,82 жителя (в России, по статистическим данным 1860-х годов, один смертный случай приходился на 28,65 чел., а в Лифляндии — на 36,8 чел. (Памятная книжка Псковской губернии на 1864 г. Псков, 1864, отд. III.) Очень высокая была детская смертность (от рождения до пяти лет). Она была обусловлена как тяжелым экономическим положением крестьян, так и непрекращающимися эпидемиями, в первую очередь натуральной оспы. В Верхоустинском приходе за 1852—1854, 1860, 1869 гг. до 50% всех умерших от оспы составляли дети.

²⁹ Для европейского типа брачности было характерно очень позднее вступление в первый брак. В 1860-е годы в Эстляндской губернии доля невест в возрасте 20 лет и моложе в общем числе невест составляла менее 20%, в Лифляндской — 20—30% (*Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. — В кн.: Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. М., 1977, 110). Во второй половине 18 в. в приходе Карузе (Ляэнемааский уезд) средний возраст вступающих в первый брак женщин был 22,7 лет, мужчин — 26 лет. При этом дочери дворохозяев выходили замуж в более молодом возрасте, батрачки — главным образом старше 25 лет. (*Палли Х.* Воспроизводство населения Эстонии в XVII—XIX вв. — В кн.: Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР, 222.)

Средний брачный возраст и доля ранних браков (до 20 лет) в двух сетуских приходах в 19 — начале 20 вв.

Годы	Средний брачный возраст				Число ранних браков, %					
	Паниковский приход		Верхоустинский приход		Паниковский приход		Верхоустинский приход		в среднем по России	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1803—1820	19,7	18,9	21,9	21,0	50	74,6	39,3	59,5	—	—
1841—1850	27,0	22,5	25,5	22,9	7	60,0	9,6	33,8	—	—
1856—1860	—	—	25,1	20,3	—	—	19,9	46,6	—	—
1861—1866	25,0	18,6	24,4	22,9	12,0	51,7	21,2	53,3	—	—
1871—1880	24,1	20,2	24,0	20,0	27,6	58,7	14,0	64,6	36,5	54,3
1894—1903	—	—	24,9	21,1	—	—	7,0	51,3	30,9	49,9

Примечание: Временные отрезки соответствуют имеющимся в метрических книгах приходов (здесь и далее в таблицах).

тистическую» картину. Показательно другое: по метрическим записям паниковского священника, из всех вступивших в первый брак в эти годы 14—17-летние мужи составили 33%, а 13—17-летние жены — 40,3%. В Верхоустинском приходе, судя по записям, супружескую жизнь начинали с 15 лет лица обоих полов. Далее, с годами, число мужчин, женившихся в столь молодом возрасте, стало уменьшаться. О доле ранних браков у псковских эстонцев двух приходов свидетельствуют данные сохранившихся метрических книг (табл. 2).

В 1867—1870 гг. в соседних русских губерниях число женщин, рано вступивших в брак, составляло: в Псковской и Витебской губерниях 40—50%, в Новгородской 30—40%, в Тверской 50—60%³⁰. За весь 19 в. в Паниковском приходе 61,2% женщин вышли замуж до 20 лет, в Верхоустинском — 50,5%. Таким образом, для сетуских крестьянок, как и для русских, были характерны ранние браки (ср.: 20% в Эстляндской губернии).

Значительное уменьшение доли рано женившихся сетуских мужчин в 1841—1850 гг. и повышение их среднего брачного возраста можно, по-видимому, объяснить резким ухудшением экономического положения крестьян в данное десятилетие (голод, эпидемия холеры). Не случайно, что в эти годы заметно больше против обычного заключалось браков между сиротами (свидетельство высокой смертности крестьян среднего возраста). Так, за 1848—1850 гг. таких браков по Паниковскому приходу насчитывается почти 50%, по Верхоустинскому этот показатель еще выше (табл. 3).

Если представить трудную, полную лишений и систематического недоедания жизнь крестьян того времени, то вполне объяснимо, что

Таблица 3

Доля сирот, вступивших в первый брак с 1846 по 1850 гг. в Верхоустинском приходе

Год	Всего заключенных браков	В том числе	
		между сиротами	%
1846	39	9	23,3
1847	23	11	48
1848	30	15	50
1849	34	21	61,8
1850	37	25	67,5

³⁰ Вишневецкий А. Г. Ранние этапы становления, 111.

семья, недавно потеряв хозяина и понеся значительные расходы на похороны (плата священнику, двойные поминки для родственников с обязательным угощением), не сразу могла отпраздновать свадьбу сына или дочери. Ведь и свадьба, в свою очередь, требовала немалых расходов на венчание, на устройство свадебного стола и т. д. «Люди победнее придерживаются всех формальностей свадьбы... за неделю до свадьбы приезжает жених к невесте, дарит ей 25 рублей»³¹. Обряд обручения в доме невесты сопровождался обильной выпивкой, которую должны были привезти с собой сваты и жених, недаром и называлось обручение *suigõ viinã* — «большое вино»³². В середине 19 в. денежный подарок невесте мог составлять меньшую сумму, но ведь и заработки мужчин были невелики.³³ Очевидно, именно экономические причины привели к уменьшению числа мужчин сету, рано сочетавшихся браком. Так, их доля в общем количестве заключенных союзов упала к 1876 г. до 7%, что, вероятно, можно связать с проведенной в 1870-е годы военной реформой. В метрических книгах за последнюю четверть 19 — начало 20 вв. против имени жениха нередко стоит отметка: «уволненный в запас рядовой». Срок воинской службы для нижних чинов после реформы 1874 г. сократился сначала до 7, а потом до 5 и 3 лет. С возвращением отслуживших молодых людей в деревню увеличилось число заключаемых браков, причем брачный возраст мужчин повысился до 25 лет и старше. Важным фактором для «повзросления» женихов явился и распад больших сложных семей, стремление к накоплению средств для женитьбы и обзаведения собственным хозяйством.

Сравнивая возраст вступления в первый брак сетуских и эстонских крестьян на протяжении 18—19 вв., можно видеть, что процент ранних браков у сету был устойчиво высоким. Поэтому представляется, что именно по территории, населенной сету, пролегла граница между Западом, где преобладали поздние браки, и Россией, для крестьянского населения которой были характерны ранние браки.

Ареал выбора супругов. Известной этнической стойкости сету, живших в иноэтническом окружении, несомненно, способствовали брачные союзы. Поэтому для исследователей сету особенно существенным представляются вопросы, откуда же мужчины брали себе жен, куда выдавали девушек замуж, сколько браков было заключено с представителями своей группы и сколько с соседним населением — с выходцами из Лифляндии и русскими из ближайших деревень.

При записи венчавшихся священники всегда указывали названия деревень жениха и невесты. Благодаря этому удалось рассчитать расстояние между деревнями по дореволюционной карте-трехверстке и тем самым выяснить дальность брачных связей у сету Паниковского и Верхоустинского приходов в разные периоды 19 в. (табл. 4).

При выяснении структуры крестьянского двора весьма важными являются данные первой графы табл. 4: «жених и невеста родом из одной деревни». Известно, что сетуские деревни в 19 в. были малодворны, хотя в то же время в каждом дворе насчитывалось не менее 9—10 человек. Православная церковь запрещала родственные браки,

³¹ *Kallas, O.* Einiges über die Setud. — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1894. Dorpat, 1895. 95.

³² *Hurt, J.* Setukeste laulud, 463.

³³ В перечне промыслов, которыми, например, занимались сету северных деревень Злыполье, Вылазово, Ямище, Б. Забудовище, Лутобиж и др. в середине 19 в., самыми распространенными указаны: работа по найму в рыболовецких артелях (31 чел.) и продажа гончарных изделий в Лифляндской губернии (31 чел.). Средний доход у ловца 1-го разряда составлял 13 руб. в год, у горшечников — 2 руб. в год (Фил. ГАПО, ф. 57, оп. 4, ед. хр. 28). Вряд ли доходы у тех сету, которые трепали лен по мызам и у крестьян Лифляндии или занимались извозом, были выше.

Распределение браков по месту жительства жениха и невесты в двух сетуских приходах, %

Годы	Паниковский приход				Верхоустинский приход					
	новобрачные родом:									
	из одной деревни	из разных деревень			из других приходов	из одной деревни	из разных деревень			из других приходов
		расстояние, версты					расстояние, версты			
	1—6	7—10	11 и более			1—6	7—10	11 и более		
1803—1820	10	40	15	20	15					
1841—1845						12	53	16	15	4
1845—1847	24	40	12	12	12					
1848—1850						10	25	30	21	14
1856—1860	8	42	22	19	9					
1861—1866	12,5	34	19	22	12,5	12	35	14	30	10
1871—1874	5	48	8	8	31					
1875—1880						10	50	20	14	6

следовательно, крестьянский двор населяла не только близкая родня. Здесь находили пристанище и пришлые люди, в частности лифляндские выходцы, как их называют архивные документы. С ними в некоторых случаях и составляли партию сетуские девушки.

Как следует из табл. 4, подавляющая часть браков заключалась в пределах своей округи. В кризисные 1841—1850 гг. в Паниковском приходе можно заметить возросшее число внутридеревенских браков (нередко вторичных), а в Верхоустинском приходе — увеличение процента браков с избранниками из других мест. В 1870-е годы ареал выбора жениха или невесты у паниковских сету простирался главным образом в западно-восточном направлении, через русские деревни к восточным сету Печорского и Изборского приходов, и на север, но не далее Тайловского прихода.

От северной границы Тайловского прихода и вплоть до Псковского озера лежал Верхоустинский приход, в котором насчитывалось наибольшее число сету (по данным 1885 г. 2545 чел.). Население на этой территории было изолировано от остальных сету широким лесным массивом, значительные расстояния отделяли одну деревню от другой.³⁴ Залив Вярса Псковского озера с впадающей в него речкой того же названия делил приход на две неравные части. Большая из них, к западу от залива Вярса до границы с Ряпинаским приходом Вырусского уезда Лифляндии, называлась у сету Полода-нулк (нулк — угол). Здесь насчитывалось 41 деревня. К востоку от залива Вярса простирался Чацкий или Потти-нулк (горшечный угол), состоящий из 28 деревень. Названные углы отличались между собой уровнем земледелия и подсобными промыслами. В более плодородном углу Полода крестьяне выращивали зерновые и лен, в Чацком же углу, где частью заболоченные, частью песчаные почвы были почти непригодны для земледелия и скотоводства, и сету,

³⁴ Северные сету отличались от остального сетуского населения некоторыми чертами. По наблюдению лингвистов, их говор, сходный с говором ряпинаских эстонцев, существенно отличался от говоров южных сету. Фольклористы, в свою очередь, отмечают наличие архаичных форм в музыкальном фольклоре, а этнографы — консервацию древних верований и обрядов (особенно погребального). Наконец, и сами жители более южных деревень считают, что в окрестностях Вярса (Верхоустье) сохраняются самые древние обряды, и, почитая это за отсталость, по многим признакам быта отделяют себя от северян.

и русские крестьяне добывали средства к существованию главным образом подсобными промыслами: рыболовством, торговлей в развоз и др. В 1880-е годы верхоустинский священник писал: «Жители деревень Островка, Вылазово, Злыполье, Ямище, Ячменево и Мязович (все Чацкий угол — *Е. Р.*) промышленяют чуть ли не целый год продажей глиняной посуды и собираньем тряпья по Остзейским и даже окраинам польских губерний... горшечный промысел вредно влияет на их нравственную жизнь. Он развивает у них наглость, изворотливость, плутоватость, обман, воровство и даже конокрадство под видом барышничества»³⁵.

Дурная слава о жителях Чацкого угла ходила и среди сету угла Полода. В западных деревнях Верхоустинского прихода считались нежелательными браки с жителями Чацкого угла. Говорилось: «Не ходи замуж, не женись по ту сторону моста через Вярску». Впрочем, предвзятое мнение не мешало заключению «межугольных» браков (табл. 5).

Таблица 5

Браки жителей Верхоустинского прихода в 19 в.

Годы	Угол Полода			Чацкий угол	
	Число браков, %				
	«одно- угольных»	с чацкими жителями	с сету юж- ных прихо- дов	«одно- угольных»	с сету юж- ных прихо- дов
1803—1813	78	16	6	70	30
1841—1845	65	27	8	67	36
1856—1861	50	26	24	44	56
1862—1866	54	16	30	72	26
1875—1880	65	29	12	89	11

В табл. 5 число браков между сету двух углов Верхоустинского прихода внесено в графу «Полода», ведь именно жители этого угла негативно относились к бракам с восточными соседями. Однако, как показывают данные 19 в., доля браков с сету Чацкого угла в некоторые годы составляла более 1/4. Учитывая роль материального расчета при женитьбе, можно полагать, что за дочками отходников (из Чацкого угла брали только невест) давали приданое, выгодное для семей земледельцев. В то время много заключалось браков северных сету (главным образом из Чацкого угла) с девушками из южных, более плодородных приходов. Парни предпочитали жениться на них даже невзирая на значительную разницу в возрасте (как свидетельствуют метрические записи, невеста могла быть на 7—10 лет старше жениха). В этих случаях решающую роль играл расчет получить со временем надел земли в деревне жены. Воспоминаниями о том, что многие парни из восточных деревень Верхоустинского прихода шли примаками в южные деревни, делились пожилые люди еще в 1950-е годы.

После реформ 1860—1880-х годов выбор брачных партнеров изменился: из Полода стало больше мужчин уходить в южные деревни, где во второй половине 19 в. интенсивно развивается льноводство, повышаются в цене пахотные земли. В Чацком же углу растет число браков из «своего угла», меньше женихов идет в примаки, что также можно до некоторой степени объяснить действием экономических факторов:

³⁵ Фил. ГАПО, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 733.

вплоть до конца 19 в. усиленно развивается отходничество, которое приносило в крестьянские семьи определенные доходы³⁶.

Известно, что домашний уклад народа, его фольклор и обрядность сохраняют и передают из поколения в поколение главным образом женщины. Консервации древних верований, обрядов, народного песенного творчества сету бывшего Верхоустинского прихода способствовало именно то, что девушки выходили замуж за парней из своего прихода. Инородными женами могли быть либо крестьянки из соседних деревень, либо русские из восточного Куйлейского прихода. Какова же была доля браков с ними у сету?

Очевидцы этих процессов на протяжении второй половины 19 в. (М. Миротворцев, П. Якушкин, Ю. Трусман, О. Каллас, Я. Хурт и др.) единогласно утверждали, что «браки с русскими весьма редки»³⁷. «Межэтнические браки между сету и русскими (а также между сету и лютеранскими эстонцами) редки»³⁸. Но вот что содержат метрические книги, например, Верхоустинского прихода. За 1846 г. встретилось 3 записи: 1) Из лифляндских уроженцев д. Бабино Каменище крестьянин Георгий Васильев православного вероисповедания 34 лет женится на крестьянской дочери из д. Заболотье 31 года; 2) Козьма Петров из Тростянки женится на дочери дерптского мещанина из Лифляндской губернии; 3) Антон Ефимов из Чернолесья женится на дочери феллинского мещанина Лифляндской губернии. В 1847 г. на крестьянских девицах из угла Полода поженились три лифляндских уроженца. Браки сету с лифляндскими эстонцами именно в Верхоустинском приходе составляли, например, в 1852 г. 8%, а в 1853 г. 6%. Не снижается число браков с эстонцами и в пореформенные годы вплоть до 1880 г., после чего их доля идет на убыль (см. табл. 6).

Показатели брачных союзов сету с соседними русскими крестьянами несколько различаются по приходам. Так, у северных сету (Верхоустье) доля браков с русскими была выше среднего лишь в 1841—1850 гг.: на 176 браков — восемь смешанных (шесть сетуских девушек вышли замуж

Таблица 6

Доля смешанных браков в двух сетуских приходах в 19 — начале 20 вв., %

Годы	Паниковский приход				Годы	Верхоустинский приход			
	он сету, она русская	он русский, она сету	он сету, она из Лифляндии	он из Лифляндии, она сету		он сету, она русская	он русский, она сету	он сету, она из Лифляндии	он из Лифляндии, она сету
1803—1820	9	11,5	0,7	—	1803—1820	1,2	2,6	0,6	1,1
1845—1857	10	10	5	—	1841—1850	1,1	3,5	6,0	1,7
1862—1866	6,3	7,6	2,5	—	1862—1866	2,5	1,2	6,6	2,5
1871—1880	17	13	3,8	6,6	1875—1880	2,4	0,5	4,9	2,4
					1884—1893	1,3	0,9	1,7	0,9
					1884—1903	1,4	1,4	1,4	—

³⁶ В 1895 г. в Слободской волости из 610 временных паспортов 500 было выдано сету, которые торговали глиняной посудой. Сборщики тряпья зарабатывали от 50 до 150 руб. за сезон. Так, один крестьянин из д. Кулье писал: «Обмен сей производится по Лифляндии с успехом и хорошей прибылью... Полуверцы от сего заработка постройкой и экономическим положением превосходят нас, рыбацких, очень во многом». (Промыслы крестьянского населения Псковской губернии и положение их в 1895—97 годах. Псков, 1898, 23, 14.)

³⁷ *Hurt, J.* Über die Pleskauer Esten oder die sogenannten Setukesen. Helsingfors, 1904, 6—7.

³⁸ *Kallas, O.* Einiges über die Setud, 83.

за русских, два сету женились на русских девушках). В пореформенные годы увеличилась доля браков сету с русскими девушками, в последующие десятилетия число межэтнических браков неуклонно снижалось.

Представляется вероятным, что до отмены крепостного права выбор жениха и невесты из чужих мест диктовался не только материальными соображениями (получение приданого, лишние женские рабочие руки в хозяйстве), но и санкционировался в некоторых случаях помещиками. Доказательства этому косвенные, обнаружен лишь один документ, да и тот поздний: «Помещик фон Н. И. Стакельберг жаловался на своеволие крестьян деревни, приобретенной им покупкою с публичных торгов в 1849 году, на вступление крестьянина Савельева в брак без его дозволения»³⁹.

У южных сету, территория которых, по выражению Фр. Р. Крейцвальда, напоминала шахматную доску по расположению сетуских и русских деревень, связи были теснее с соседними русскими крестьянами, что и отражалось на заключении межэтнических браков. Фр. Э. Паас, изучавший в 1927 г. смешанные браки у сету, также выделил Паниковскую волость по наибольшему количеству браков, заключенных между сету и русскими, и объяснил это этнической пестротой населения волости (русских — 2566, сету — 4363, латышей — 43)⁴⁰. Именно на юге шли процессы заметного обрусения сетуских деревень и эстонизации некоторых русских, о чем писал в 1936 г. Э. Маркус, назвав смешанные, биэтнические браки одним из путей изменения этнической принадлежности жителей Печорского уезда, указав тут же, что изменения эти происходят очень медленно.⁴¹

До реформы 1861 г. доля браков сету с эстонскими крестьянами из соседней Лифляндии была невелика⁴². Однако со второй половины 19 в. контакты сету с эстонскими крестьянами заметно активизируются, соседние уезды Лифляндии становятся основной территорией отходничества не только мужчин, но и женщин сету. Кроме того, еще в 1843 г. в западной части Псковского уезда появились эстонские переселенцы, число которых возросло в 1863 г., когда на проданной бароном Н. И. Стакельбергом пустоши поселилось до 80 семей «лифляндцев»⁴³. С 1871 по 1881 гг. в Паниковскую волость переселилось 233 эстонских семьи, или 1064 человека, в Печорскую — 83 человека, в Слободскую — 6, в Изборскую — 192⁴⁴. Крестьяне-переселенцы покупали часть пустоши, приписывались к сельским обществам, арендовали землю, шли в работники. В 1880-е годы Псковская губерния вообще была названа «местом вселения крестьян Лифляндской губернии»⁴⁵. Казалось, в эти годы можно было ожидать увеличения числа браков с пришлыми эстонскими крестьянами (особенно с теми, кто, будучи работником, надеялся благодаря женитьбе на девушке сету приписаться к сельскому обществу и получить земельный надел). Однако статистика этого не подтверждает. Бракам сету с эстонцами препятствовали в первую очередь разная конфессиональная принадлежность (православные сету, лютеране эстонцы),

³⁹ Журнал Псковского губернского по крестьянским делам присутствия за 1-ю пол. 1862 г. Псков, 1862.

⁴⁰ Paas, Fr. E. Segadabelud ja nende mõju rahvusesse piiriäärsetes maakondades Eestis. — Eesti Kirjandus, 1928, nr. 6, 301.

⁴¹ Markus, E. Changes on the Esto-Russian Ethnographical Frontier in Petserimaa. — Opetatud Eesti Seltsi aastaraamat 1936. Tartu, 1938, 173.

⁴² В 1849 г. крепостной из д. Котельники (Верхоустинский приход) женился на девушке с мызы Кахова Ряпинаского прихода, в 1850 г. сету — крепостной барона Корфа — взял замуж дочь валкаского мещанина.

⁴³ Фил. ГАПО, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 2124 (прошение переселенцев из Лифляндской губернии в Псковский уезд Паниковской волости о строительстве своей лютеранской церкви).

⁴⁴ Фил. ГАПО, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 2320.

⁴⁵ Там же.

укоренившиеся системы землепользования (общинная у сету, хуторная у эстонских крестьян), уровень культуры (сету и в конце 19 в. в большинстве своем были неграмотны). С русскими же соседями сету разделял язык, народные верования и обряды («полуверцами» называли их русские). Наконец, следует учитывать и традиционные патриархальные нормы жизни сетуской деревни. Вплоть до начала 20 в. выбор партнера по браку принадлежал родителям, хотя возможностей для знакомств у молодежи было сколько угодно. Я. Хурт отметил: «Когда парень выберет невесту, правильнее сказать, что чаще бывает, когда родители подберут ему невесту...». И далее: «Бывало так, что парень с девушкой давно и хорошо знаком, но иной раз и не знает, видел ли ее на ярмарке или слышал о ней что-нибудь»⁴⁶. Об этом же говорили и старые люди: «Если невеста не хотела идти замуж, то отдавали силой, иногда даже били, если не слушалась. Было в старину и так: ей кто-то нравился и она нравилась, но если родители хотели выдать замуж за другого, то за него и должна была девушка идти»⁴⁷. Иной раз и не спрашивали согласия невесты, впервые видела она своего суженого лишь в вечер обручения.

Крестьянские устремления сету в выборе невесты основывались на двух положениях: практической выгоде и этнической принадлежности невесты или жениха. Невестка должна была своим приданым приумножить общесемейное благосостояние, муж-примак становился работником в доме жены. Русскую девушку брали в жены только в том случае, если за ней давали хорошее приданое. Объясняя О. Калласу, почему так редки межэтнические браки, сетуский крестьянин сказал: «Мы все же берем из своего народа»⁴⁸.

У сету, как и у местных русских крестьян, долго удерживались патриархальные нормы поведения и понятия о брачной жизни, когда «мужчина и женщина впрягаются в брачные сани, дети — подсанки с грузом камней на них». Жене предписывалось судьбой подчинение семье мужа: «Куда тебя отдали, там и работай, там и крутись...»⁴⁹. Так же, как повсюду у крестьян Псковщины и Эстонии, чувство мужа к жене, его любовь определялись понятием: «жалеет», «не жалеет». Безоговорочной была власть дворохозяина (родоначальника) и его жены над всеми младшими членами семьи.

Известные сдвиги наступили лишь в начале 20 в. В. Бук, перечисляя новшества в жизни сетуской деревни, отметил: «Некоторые формы старой народной жизни в семье начинают меняться. Вот, например, насильственное обручение. Теперь оно происходит реже. Если раньше принуждали сыновей брать себе жен, то теперь и дочерей-то насильно не выдают замуж»⁵⁰. Следовательно, развитие капиталистических отношений, влияние города проникали во внутрисемейный сложившийся уклад крестьян и постепенно меняли нормы матримониального поведения.

Структура семьи и состав крестьянского двора. В первой половине 19 в. дворы населяли как родственники по прямой линии (родители — дети — внуки), так и по боковой линии (родные братья с семьями, двоюродные братья с семьями, дяди с племянниками и т. д.). В некоторых дворах жили даже посторонние — свойственники, которых приводила молодая в дом мужа, либо родня мужа-примака. Немало было дворов совладельцев, бывали случаи, когда брали приемных детей — «взятых»⁵¹.

⁴⁶ *Hurt, J. Setukeste laulud*, 463, 464.

⁴⁷ Материалы В. Пино, запись 1943 г. Хранятся в секторе фольклора Института языка и литературы АН ЭССР.

⁴⁸ *Kallas, O. Einiges über die Setud*, 83.

⁴⁹ Подобные изречения взяты для примера из картотеки («Сету») сектора диалектов Института языка и литературы АН ЭССР.

⁵⁰ *Buck, W. Pseteri eestlased*, 44.

⁵¹ Подробнее см.: *Pухтер Е.* Структура крестьянского двора семьи сету в первой половине 19 в. — В кн.: Крестьянский двор и его обитатели. (В печати).

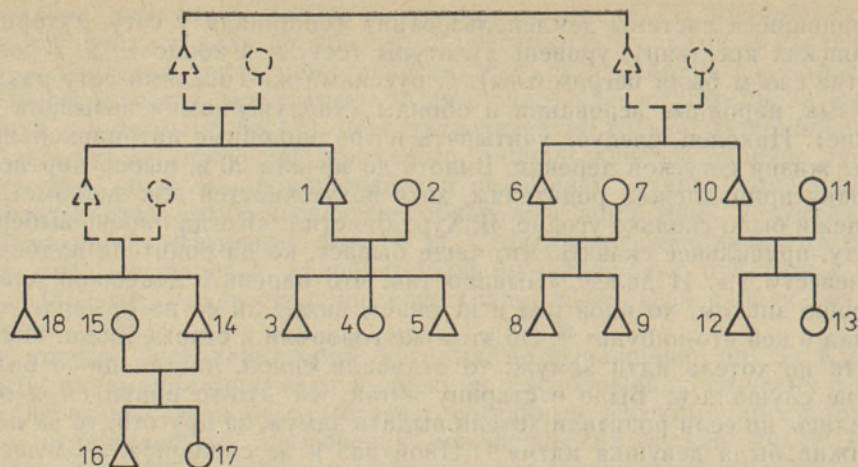

Рис. 1. Структура семьи бокового родства двора д. Клавшино.

Члены семьи	возраст	Члены семьи	возраст
1. Василий Максимов	63 года	10. Иван Федоров	30 лет
2. Жена его Федосья Петрова	59 лет	11. жена его Настасья	30 лет
3. дети их: Степан	21 год	12. дети их: Маланья	6 лет
4. Акулина	15 лет	13. Катерина	1 год
5. Алексей	9 лет	Василия Максимова	
6. Двоюродные братья:		племянники:	
Василий Федоров	52 года	14. Андрей Данилов	35 лет
7. его вторая жена Иринья	42 года	15. жена его Дарья	33 года
8. дети их: Николай	5 лет	16. дети их: Василий	9 лет
9. Федот	2 года	17. Авдотья	2 года
		18. Филипп Данилов (отдан в рекруты)	20 лет

Обозначения: Δ — мужчина, $\circ$ — женщина, $\triangle\circ$ — супружеская пара, $\triangle\triangle\circ$ — братья и сестры, $\triangle$ — умер, $\circ$ — умерла.

Примером больших неразделенных семей, или семей бокового родства, может служить один из дворов д. Клавшино Верхоустинского прихода, где все дворы в 1858 г. были населены подобными семьями⁵² (рис. 1).

По спискам прихожан в исповедальных росписях можно проследить за развитием семей бокового родства в последнюю четверть 19 — начале 20 вв. В произвольно выбранной сетуской деревне Залесского прихода — Изваде — в 1863 г. проживали семьи трех видов: 1) малая семья, полная — родители с детьми, неполная — вдова с детьми; 2) трехпоколенная семья, включающая родителей, детей и внуков; 3) сложные или бокового родства семьи, состоящие из родственников, имеющих общих предков: родные и двоюродные братья с семьями, в некоторых случаях невестка-вдова одного из умерших братьев, дядя с племянниками. В качестве примера сложной семьи приведем обитателей двора братьев Дионисовых из этой деревни по данным на 1863 г. (рис. 2).

Затруднительно определить родство живущего во дворе Дионисовых Василия Гаврилова с женой и дочерью: являлся ли он племянником братьев или совладельцем. Спустя 11 лет, в 1874 г., он по-прежнему значится в списке двора, в котором остались овдовевший Кирилл Дионисов и невестка Гликерия Михайлова с двумя сыновьями Саввы, один

⁵² Фил. ГАПО, ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1886.

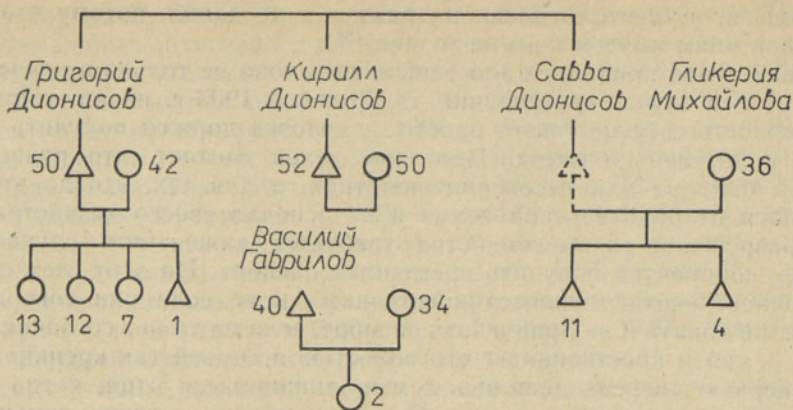

Рис. 2. Состав крестьянского двора братьев Дионисовых. Цифры означают возраст обитателей двора.

из которых, 22-летний Василий, уже женился. В 1890 г. Василий Гаврилов с женой и детьми отделился и в росписи значится как двором-хозяин. Отдельным двором зажила мать-вдова Гликерия Михайлова с сыновьями (возможно, все они остались в старом дворе после смерти их дядей Дионисовых). В 1894 г. братья разъехались и зажили отдельными дворами. Таким образом, прошло три десятилетия, прежде чем окончательно распалась большая семья бокового родства и вместо одного двора образовалось три новых.

Наиболее распространенным типом семьи в сетуских деревнях пореформенной эпохи была малая. Сложные бокового родства семьи в ходе времени постепенно распадались, и доля их среди других типов семей уменьшалась. По-видимому, у сету становилось меньше и больших трехпоколенных семей, как и у русских крестьян Псковской губернии. Очевидец отмечал: «По большей части крестьяне живут одной большой семьей (14 душ), помещаются в одной избе, где зимой, кроме того, находится мелкий скот — телята, овцы, свиньи и др. В последнее же время (1870 г. — *Е. Р.*) семьи стали дробиться, несмотря на то что при теперешнем состоянии крестьянских капиталов это для них весьма невыгодно. Причина — нелады между женщинами. Делят земли и все имущество, общий дом разделяют на две части, и половина его переносится на другое место»⁵³.

Но, странным образом, большие семьи у сету сохранялись еще долго. Так, в д. Изваде в 1870 г. они составляли 25% всех семей, в 1890 г. 18%, в 1906 г. 14%. В разных сетуских деревнях можно было слышать от людей, чья молодость приходилась на начало 20 в., что в их округе бывали такие большие семьи, в которых жили при отце женатые братья с семьями.⁵⁴

Раздел семей в последней четверти 19 в. приобрел большой размах, несмотря на определенные административные ограничения, на противодействие со стороны дворохозяев-отцов и на людскую молву. В народе было распространено уважительное отношение к большим семьям как символу послушания и почтения к старшим. В 1888 г. рассматривалось дело Мирона Яковлева, который протестовал против приговора односельчан о семейном разделе его с племянником: «Старшим в семье

⁵³ Маровский Л. А. Записка о санитарном состоянии Великолуцкого уезда. — Псковский статистический сборник. Псков, 1871, 36.

⁵⁴ В 1953 г. А. Моора записала в д. Митковничье Загорье: «Раньше были большие неразделенные семьи. А потом стали расходиться. Так, у Таммеоргов вместе жили 5 братьев. У всех позднее было свое хозяйство». — Экспедиционные материалы сектора этнографии Института истории АН ЭССР, ЕТ 5, 9.

считаюсь я, а моего согласия на раздел я не давал, потому что Илья Богданов моим имуществом не хозяин»⁵⁵.

Главе семьи принадлежало решающее слово не только в случае раздела, но и в случае переселения. Э. Дольф в 1903 г. писал: «Покинуть свою волость сету не так-то просто... человек должен получить разрешение родителей на выезд. При этом закон считает, что разрешение должно быть не для несовершеннолетних, а для тех, кто до этого не отделился от родительской семьи и не основал своего хозяйства. При этом разрешении главы семейства требуется даже в том случае, если человек собирается получить временный паспорт. На этот счет существует закон: неотделившимся крестьянам, даже если они совершеннолетние, не давать и не продлевать паспорт, если на то нет согласия главы семьи... связи крестьянина с его волостью и семьей так крепки»⁵⁶.

В первую очередь делились семьи, лишившиеся отца, когда взрослые братья сами решали свою дальнейшую жизнь, а также семьи, в которых две невестки-вдовы жили с семьями при младшем брате своих мужей, пока подрастали их собственные сыновья. Настаивали на разделе вернувшиеся после военной службы и женившиеся сыновья, а также сыновья, ходившие в отход и скопившие деньги на постройку новой избы. Именно в результате разделов и прироста населения и произошел тот значительный рост крестьянских дворов, о котором писал Э. Дольф: «Где раньше на деревню приходилось 2, 3, 4 двора, теперь их иногда по 10, 15, 20, 25 и более»⁵⁷. Увеличение числа дворов шло неравномерно. Интенсивность нарастания к началу 1880-х годов сменилась в следующие десятилетия спадом. Так, за первое десятилетие после реформы в Залесском приходе образовалось 72 новых двора, с 1874 по 1881 гг. — 98 новых дворов, с 1881 по 1887 гг. — 57 дворов, за семь лет — с 1889 по 1895 гг. — 18 дворов (за девять лет — с 1832 по 1840 гг. — в том же приходе прирост составил лишь 8 дворов)⁵⁸. В 1895 г. число дворов в приходе сократилось на 6 единиц, а за десятилетие — с 1905 по 1915 гг. — отсюда выбыло 112 семей дворохозяев и соответственно уменьшилось число дворов, что было связано и с массовым выездом в Сибирь, и с начавшейся первой мировой войной.

Как происходили разделы? Подробностей их исповедальные росписи не отражают. Не располагаем мы и материалами волостных судов, где могли детально фиксироваться дела о разделе. Некоторое представление о их характере дает выражение «самовольно отделенный сын», встречающееся с 1889 г. в протоколах Псковского губернского по крестьянским делам присутствия.⁵⁹ Значит, сын мог и «самовольно» отделиться без согласия на то отца. Восстановить детали раздела помогают лишь воспоминания пожилых людей, из рассказов которых следует, что распад больших семей бокового родства происходил, если так можно выразиться, поэтапно. Когда женился старший из сыновей, то он жил с молодой женой либо в отцовской избе, либо, если в ней было много детей, в другой избе, пристроенной через сени к старой. Подобная планировка жилища — две избы, разделенные сенями, — была достаточно распространенной в конце 19 — начале 20 вв. Две родственные семьи, живущие через сени, могли иметь совместное хозяйство, когда все ели за одним столом, либо раздельное, когда молодая семья кормилась отдельно, а тут же во дворе, в маленьких хозяйственных пристройках, стоял их скот. Раздельный стол при совместном жилище означал переходный этап, за которым следовало переселение старшего сына с семьей

⁵⁵ Фил. ГАПО, ф. 80, оп. 2, ед. хр. 197.

⁵⁶ Dolf, E. Setude kõrvalisest teenistusest.

⁵⁷ Dolf, E. Setude kõrvalisest teenistusest. — Uudised, 1904, 1. jaan.

⁵⁸ Вычислено по росписи Троицкой церкви Залесского прихода. — Фил. ГАПО, ф. 39, оп. 14, ед. хр. 31.

⁵⁹ Фил. ГАПО, ф. 80, оп. 2, ед. хр. 164.

в отдельную избу. Тогда-то и появлялся новый двор в деревне. Переходный этап иногда затягивался надолго, срок его зависел в первую очередь от материального достатка молодой семьи и от земельных переделов, которые производились обычно через 12 лет (вплоть до 1904 г.).

Столыпинский аграрный закон 1906 г. способствовал разделу семей, однако известны случаи, когда «закрепляли землю» в общую собственность два брата. Так, крестьяне Семен и Алексей Леоновы из д. Мегузицы Тайловского прихода в 1913 г. вышли из общины (у старшего брата семья 7 человек, у младшего — 4 человека), получив на шести полях 35 полос земли общей площадью в 8 дес. 1472 кв. саж.⁶⁰

Большие возможности для разделов предоставила буржуазная аграрная реформа, проведенная в 1920-е годы. Поэтому в 1930-е годы большие семьи постепенно превратились в реликтовое явление.

Разнообразные демографические процессы, происходившие в пореформенную эпоху на северо-западе России, в общих чертах проявились и в среде псковских эстонцев, но со своими особенностями. Демографические и этнодемографические сдвиги обозначились здесь далеко не сразу. Буржуазные преобразования 1860—1880 гг. оказали влияние на рост народонаселения сетуской деревни. Благоприятствовало этому явлению и сокращение срока военной службы. В деревнях увеличился контингент женихов, а следовательно, выросло и число заключаемых браков (особенно в 1870—1880-е годы). Показатели рождаемости значительно превышали показатели смертности, хотя экономический уровень крестьянских хозяйств оставался низким, а детская смертность — высокой, вплоть до начала 20 в. Шел интенсивный прирост населения сету.

В начале 19 в. раннее вступление в брак было традиционным у сету. Отсюда, с северо-запада России эта традиция распространялась далее на восток. В Эстонии же превалировал европейский, т. е. поздний тип брачности. Однако начиная с 1840-х годов доля ранних браков у сету стала сокращаться, средний брачный возраст мужчин повысился с 19,7 до 24—25 лет, женщин — с 18,9 до 20—21. В большинстве своем сетуские женщины стали выходить замуж в том же возрасте, что и русские крестьянки в 1870-е годы, но раньше, чем эстонки.

Дальность брачных связей сету на протяжении всего пореформенного периода и в начале 20 в. была стабильной — внутридеревенские браки заключались редко, наибольшую долю составляли браки между населением близлежащих (от 6 до 10 верст) деревень. Традиционное матримониальное поведение было особенно свойственно сету северного Верхоустинского прихода. Здесь «внутриугольные» браки в углу Полода и институт примачества в соседнем Чацком углу (парни шли в южные деревни, к плодородной земле) сыграли важнейшую роль в сохранении однородности этой группы, способствовали консервации говора, обычаев и песенного фольклора. Южные сету заключали браки с населением деревень, расположенных с запада на восток, т. е. на территории, сходной по своим почвенным условиям и занятиям населения. Кроме того, здесь была выше доля браков сету с соседними русскими, что постепенно приводило либо к обрусению, либо к эстонизации некоторых деревень (Паниковский приход).

Свобода выбора брачного партнера, постепенно завоеванная к началу 20 в., — свидетельство демократизации патриархальных установок сетуской деревни, что можно считать одной из причин снижения доли браков как с эстонскими, так и с русскими крестьянами.

Самые заметные перемены были внесены развивающимися капиталистическими отношениями в структуру крестьянской семьи и крестьянского двора. В конце 19 — начале 20 вв. распадаются большие, нередко бокового родства семьи, доминирующими становятся малая, двух- или

⁶⁰ Фил. ГАПО, ф. 108, оп. 1, ед. хр. 45.

трехпоколенная семья. Если раньше, даже в середине 19 в., крестьянский двор был населен несколькими малыми семьями, которые вели единое хозяйство и питались сообща, то постепенно они стали отделяться от общего котла, хотя двор еще и выступал как единица обложения налогами и наделения общинной землей. Завершающей стадией можно считать выделение из большого двора малой семьи, образование своего отдельного двора. Отныне каждый крестьянский двор представлял собой три категории крестьянских единиц: семью, хозяйство и двор. Процесс этот длился долго, вплоть до завершения эстонской буржуазной земельной реформы, т. е. до конца 1930-х годов.

Итак, в конце 19 — начале 20 вв. сдвиги в матримониальном поведении сетуского крестьянства были незначительными, несмотря на рост народонаселения и распад больших семей. В западных приходах Псковской губернии наряду с явным проникновением капиталистических элементов развития царили поголовная неграмотность и культурная отсталость. В силу этих причин, а также своеобразной изолированности сету, в их жизненном укладе сохранялась приверженность к патриархальности, к традиционным нормам поведения, что особенно заметно проявлялось в обрядности, связанной с семейными событиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бабино Каменище — Kito, Seegasaare
 Верхоустье — Värskä
 Вылазово — Võõlase
 Заболотье — Saabolda e. Sabola
 Б. Забудовище — Põrste
 Злыполье — Lupolje
 Извад — Uusvata
 Клавшино — Laossina
 Котельники — Kotelnika

Лутобиж — Lutepää
 Мегузицы (Мегужицы) — Mieksti
 Мязович, Мясовище — Määzovitsa
 Паниковичи — Pankovitsa
 Тростянка — Treski
 Чернолесье — Rääzolaanē
 Ямище — Jaamiste
 Ячменеве — Jatsmanni

Примечание: названия деревень приводятся по данным Я. Хурта (*Hurt, J. Setukeste laulud, XV—XXV*).

Представил В. Мамяги

Институт истории
 Академии наук Эстонской ССР

Поступила в редакцию
 22/V 1984

Jelizaveta RICHTER

ETNODEMOGRAAFILISED PROTSESSID SETUDE HULGAS 19. SAJANDI TEISEL POOLEL JA 20. SAJANDI ALGUL

Демографические процессы сету в хулах были локальными, в отличие от общенационального процесса, который начался в 1861 году. В 1860 и 1870 годах реформы оказали влияние на развитие сету в результате роста населения деревень.

Развитие хозяйства в хулах было связано с процессом колонизации, в котором участвовали как представители старшего поколения, так и представители среднего и молодого поколения. В 19-м столетии в хулах происходила колонизация (в основном в результате миграции из других частей Эстонии), в то время как в 20-м столетии происходила депопуляция (в результате миграции в города и другие районы).

Важным фактором в развитии хула в 19-м столетии была миграция. Миграция происходила в основном в результате колонизации (в основном в результате миграции из других частей Эстонии), в то время как в 20-м столетии происходила депопуляция (в результате миграции в города и другие районы).

neitud aga abiellusid Poloda nurga meestega. Põlvest põlve oma kodukanti jäänud naised aitasid säilitada kohalikke etnograafilisi erijooni (murre, kombestik, folkloor jne.). Lõunapoolsete (Pankovitsa) setude hulgas oli venelastega abiellunute arv suurem. Sellega on seletatav ka mõningate setu külade venestumine ja vene külade eestistumine 19. sajandi jooksul.

Arenevad kapitalistlikud suhted töid reformijärgsel perioodil märgatavaid muutusi talupojaperekonna ja üldse pere struktuuri. Suured, sageli kaugematestki sugulastest koosnenud pered lagunesid ja domineerivaks said väikesed, kahest või kolmest põlvkonnast koosnevad perekonnad. Väikeperekonnad eraldusid omaette õuedega iseseisvaiks majapidamisteks, mille tulemusel setu külad 19. sajandi teisel poolel kiiresti kasvasid.

Hoolimata elanike arvu kasvust ja patriarhaalsete suurperede lagunemisest olid muutused setude perekondlikes suhetes ja käitumisnormides üsna vähesed. Kuigi kapitalismi areng ja rahaliste suhete mõju oli tuntav, säilis Pihkva maakonna lääneosa setu elanikkonna hulgas üldise kirjaoskamatus, kultuurilise mahajäämuse ning mõningase isoleerituse tõttu patriarhaalsuse järgi perekondlikes suhetes ning kinnipidamist traditsioonilistest käitumisnormidest. Eriti ilmses see perekondlike tähtpäevade kombestiku püsimises, mille poolset setud erinesid naabruses elavaist venelastest ja Liivimaa eestlastest.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
22. V 1984

Jelisaeweta RICHTER

ETHNODEMOGRAPHISCHE PROZESSE BEI DEN SETUKESEN IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES 19. JH. UND ZU BEGINN DES 20. JH.

Die demographischen Erscheinungen unter den Setukesen in der Epoche nach der Aufhebung der Leibeigenschaft (1861) bildeten einen Bestandteil des allgemeinen Prozesses, der unter der Bauernschaft des nordwestlichen Rußlands vor sich ging. Dabei hatten sie auch ihre Eigenheiten. Die bürgerlichen Reformen der 60er und 70er Jahre des 19. Jh. wirkten sich bei den Setukesen vor allem auf die Zunahme der Dorfbevölkerung aus.

Für die Bevölkerungsreproduktion spielt die Heirat die entscheidende Rolle; diese ihrerseits hängt von volkstraditionellen Normen ab. Auf dem von den Setukesen Ende des 18. und Anfang des 19. Jh. besiedelten Gebiet war die frühe Heirat üblich (bei den Männern die erste Heirat im Alter von 19,7, bei den Mädchen von 18,9 Jahren), wodurch sie sich von den Esten Livlands unterschieden. In der zweiten Hälfte des 19. Jh. stieg das durchschnittliche Heiratsalter bei den Männern auf 24—25 Jahre, bei den Frauen auf 20—21 Jahre. Geographisch blieb die Brautwahl im 19. Jh. stabil — die Ehen wurden zumeist zwischen den Partnern geschlossen, die 6—10 Kilometer voneinander entfernt wohnten.

In der Wahl des Ehepartners offenbarten die Setukesen die Neigung zur Endogamie, d. h. zur Heirat innerhalb der eigenen ethnischen Gruppe. Das war besonders für die nördlichen Setukesen (Kirchspiel Värskä) charakteristisch, bei denen die Ehen zwischen den Russen und den benachbarten Esten nur einen unbedeutenden Prozentsatz bildeten. In der Wahl des Ehepartners gab es in Värskä bestimmte Traditionen: Die Männer aus der Gegend von Tschazk heirateten in südliche Dörfer ein, die Mädchen wurden an Männer aus Poloda verheiratet. Die alteingesessenen Frauenstämme bewahrten über Generationen die ethnographischen Eigenheiten ihres Kirchspiels (Mundart, Brauchtum, Folklore usw.). Der Anteil der Ehen mit Russen war höher bei den südlichen Setukesen (Kirchspiel Panikowitschi), wodurch auch die Russifizierung bzw. Estonisierung einiger Dörfer der Setukesen bzw. der Russen im 19. Jh. zu erklären ist.

Der Aufschwung der kapitalistischen Beziehungen in der Nachreformperiode bedingte besonders merkbare Veränderungen in der Struktur der Bauernfamilien und des Gesindes. Die versippten Großfamilien zerfielen, vorherrschend wurden kleine, zwei-drei Generationen umfassende Familien. Diese bezogen gesonderte Höfe, wodurch die Dörfer der Setukesen in der zweiten Hälfte des 19. Jh. schnell wuchsen.

Obwohl die Bevölkerungszahl höher wurde und die großen patriarchalischen Familien zerfielen, waren die Veränderungen im matrimonialen Verhalten der Setukesen gering. Trotz den unverkennbaren Erscheinungen der kapitalistischen Entwicklung, dem Eindringen der Geldbeziehungen ins Dorf erhielten sich in dem westlichen Teil des Kreises Pskow — einem kulturell rückständigen, analphabetischen Gebiet, wo die Setukesen zudem noch isoliert lebten — Spuren der patriarchalischen Verhältnisse in der Familie; zum Unterschied von den russischen und estnischen Bauern wurde an den traditionellen Verhaltensweisen, besonders an Familienbräuchen festgehalten.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 22. Mai 1984